

УДК 821.3

М.А. Гусейнов

**Антиклерикальные мотивы в дагестанской литературе досоветского периода:
причины и следствия**

Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы ДНЦ РАН; malik60@list.ru

В статье рассмотрены антиклерикальные мотивы в дагестанской литературе XIX – начала XX веков. Автором охарактеризованы истоки данной литературы, восходящие к арабской классической словесности, национальному фольклору; на примере творчества Абдурахмана из Какашуры, Али-Гаджи из Инхо, Маная Алибекова, Нухая Батырмурзаева и других прослежены тенденции, эволюция антиклерикальной темы в поэтическом искусстве Дагестана.

Ключевые слова: *дагестанская дореволюционная литература, антиклерикальные мотивы, исламская культура, духовенство и общество.*

The article deals with anti-clerical motifs in Dagestan literature of the 19th and early 20th centuries. The author describes the origins of this literature, dating back to Arab classical literature, the national folklore. On the basis of works by Abdurrahman Kakaşury, Ali-Haji of Yinghuo, Manay Alibekov, Nuhay Batyrmurzaev and others, main tendencies and the evolution of the anti-clerical motifs in Dagestan Poetry.

Keywords: *Dagestan pre-revolutionary literature, anticlerical motifs, Islamic culture, the clergy and society.*

Антиклерикальные мотивы в дагестанской литературе имеют глубокую историю. Многие дагестанские авторы в той или иной мере касались данной темы. Однако в литературе XIX – начала XX в. выделяются поэты, создавшие отдельные произведения, в которых резко критиковалось духовенство и его роль в жизни общества. К числу таких авторов относятся Абдурахман из Какашуры, Али-Гаджи из Инхо, Манай Алибеков, Абусупьян Акаев, Нухай Батырмурзаев, Магомед Дибиров и др.

Для прояснения сути термина «антиклерикальный» правомерно проведение аналогий с литературой первых десятилетий Советской власти, когда данное направление литературы достигло своего апогея. В период строительства социализма в нашей стране развернулась борьба со служителями духовенства, борьба за изживание всего и вся, связанного с религией. С этого времени всякая критика священнослужителей в советском литературоведении стала называться антирелигиозной. Точно так же характеризовались произведения аналогичного характера дореволюционных авторов. В отношении произведений 1920–1930-х годов такое определение, естественно с оговорками, вполне объяснимо, так как обличение служителей духовенства было направлено на их искоренение в строгом соответствии с установками официальной идеологии.

Совершенно иной характер имеют антиклерикальные произведения авторов досоветского периода. Будучи в основной своей массе глубоко верующими людьми, в том числе многие из них являлись алимами, кадиями, муллами, они выступали против отдельных проявлений религиозной жизни, ратуя за ислам, за его укрепление, очищение. К ним невозможно применить термин *антирелигиозный*, но и термин *антиклерикальный* имеет несколько другое содержание по сравнению с литературой советского периода.

Своими истоками литература антиклерикального содержания восходит к национальному фольклору, ориентальной классике. Показателен в этом плане образ Моллы Насреддина, являющийся универсальным в словесной культуре народов Дагестана, Северного Кавказа, Ближнего Востока. Символично, что комический персонаж имеет сан

муллы. В его коротких анекдотических рассказах герой либо саморазоблачается, либо осмеиваются такие же, как он, священнослужители. Следует заметить, что образ Моллы Насреддина как сугубо комического персонажа сложился в советский период. На самом деле изначально комизм являлся одним из его признаков, а сам образ был намного шире и глубже; он представал мыслителем, регулятором общественной жизни, философом. Тем не менее, фольклор, связанный с именем Моллы Насреддина, служит подтверждением того, что и религия, и духовенство подвергались критике, обличению, иронии.

Существенной ветвью дагестанской литературы антиклерикального содержания, как, впрочем, словесной культуры в целом, является арабская классическая литература. Известным исследователем арабской классической литературы Б.Я. Шидфар выявлено значительное количество произведений таких авторов, как Абу-ль-Аля аль-Маарри, Абу Нувас, аль-Мутанабби и др., в которых острой критике подвергается исламское духовенство. Правомерно обратить внимание на то, за что, за какие пороки, неблагоприятные деяния духовенство подвергается обличению, притом в тот период, когда исламская культура, мусульманская цивилизация находились на пике своего развития. Это корысть, позерство, стремление выглядеть в высшей степени набожным, религиозным, при этом думая лишь о собственной выгоде, об укреплении своего личного материального достатка.

Так, выдающийся поэт арабского Средневековья Абу-ль-Аля аль-Маарри клеймил тех, «кто лицемерит не только перед людьми, но и перед Богом, перед своей совестью. Он говорит, что лучше не соблюдать установленных обрядов и «поститься от греха», чем строго соблюдать пост и совершать недостойные поступки» [6, с. 168]. Поэт, обеспокоенный тем, что в «мечетях заняты пустым разговором», был убежден, что «...чистота помыслов важнее, чем чистота тела после омовения водой» [6, с. 168]. Забегая вперед, можно заметить, что и тема, и ее мотивы вполне интерполируются в нашу действительность, предстают универсальными для прошлых и нынешних времен.

В арабской словесной культуре на относительно ранней стадии развития, которая поначалу была духовно-религиозной, выделилась литература адаба (от слова *адаб* – этика, мораль, нравственность). Литература адаба, базируясь на Коране, Сунне, хадисах, демонстрировала то, каким должен быть правоверный мусульманин. Эта литература была назидательной и в более широком формате – просветительской. Первый крупный исследователь духовно-религиозной литературы в Дагестане и на всем Северном Кавказе С.М. Хайбуллаев в своем фундаментальном труде «Духовная литература аварцев», освещая ее историю, жанровую систему, поэтику, подчеркивает: «Основная цель литературы адаба – объяснить людям, «что такое хорошо и что такое плохо», призвать их к хорошему и отказу от плохого. Вот эта установка содержится во многих доктринальных трактатах об исламской морали, в которых нормы дозволенного и запретного очерчены кратко, лаконично, точно» [5, с. 228].

Одной из особенностей исламской культуры являлась традиция содержания правителями при своих дворах выдающихся мыслителей, ученых, поэтов. Известны случаи, когда их число переваливало за сотню. Однако придворный статус вовсе не был синонимом одописца правителя. Наоборот, они были своего рода гласом народа и смело указывали лицам, восседающим на высоком троне, на их ошибки, упущения.

Традиции восточной классики имели органичное продолжение в литературах народов, исповедующих ислам, в т. ч. дагестанской. Наряду с поэтическими назиданиями в адрес правителей мастера слова обращались также к высшим сословиям и духовенству, указывая им на их недостатки, как об этом свидетельствует наследие вышеназванных классиков арабской литературы.

Дагестанские авторы Средневековья, затем Нового времени, конца XIX – начала XX веков в основной массе являясь алимами, кадиями, продолжили традиции восточной литературы, остро критикуя священнослужителей.

Одним из ярких и талантливых представителей средневековой литературы Дагестана является Абдурахман из Какашуры (1760–1841). Его поэтическое наследие сохранилось достаточно полно в отличие от многих его современников. Оно было издано отдельными книгами как в дореволюционный период, так и в последние, постсоветские десятилетия. Наследие поэта в постсоветский период введено в должной мере в научный оборот, обстоятельно исследовано в трудах А.-К.Ю. Абдуллатипова [1], А.Т. Акамова [3]. Произведения религиозного содержания Абдурахмана из Какашуры, написанные в основном в жанре тюрки, на одном из общелитературных языков того времени, в научной литературе именуемом «северокавказский тюрки», имели широкую известность, популярность.

Ценность литературного наследия поэта заключается в том, что под его пером духовно-религиозная литература вышла на высокий художественно-эстетический уровень, обрела философское звучание. Своеобразие его творчества состоит в том, что вечные проблемы ислама, имана освещаются в контексте общественной жизни последней трети XVIII – первой половины XIX в. Автор со скорбью и болью пишет о социальной ситуации, падении нравов, деградации исламских ценностей.

В ряде своих произведений Абдурахман из Какашуры критически отзываясь о священнослужителях, которые с легкостью преступают нормы ислама, имана. Это такие, например, как «В каждом человеке две бороды...» («Гъар гишиде эки сакъал...»), «Эй, кади, задумайся о своей немощности...» («Гел, ай къади, ойла зайип гъалынгы...»), «Саид Араканский пишет ученые книги...» («Гъараканлы Саид илму язаны...»), «Много в нынешнее время разногласий среди алимов...» («Чохдур бу замана алим къавгъасы...») и др.

Отмечая в своем творчестве, что ситуация в обществе плачевна и вызвано это, помимо прочего, царской экспансией, колониальной политикой на Кавказе, поэт удручен тем, что люди безразличны к исламским регламентациям; они предаются земным утехам, увлекаются питьем спиртного, рождаются внебрачные дети и т. д. (Под словом «внебрачные», дословно: «безгембинные», дети, имеются в виду «внебрачные» не в современном понимании, а дети рожденные от родителей, которые не сочетались браком по исламским канонам.)

Поэт также и обличает духовенство. В стихотворении «В каждом человеке две бороды...» он пишет:

Алимлер аздырды динин
Илму билмаянланы.
<...>Тутмады гъакъ тарикъатын,
Гъакъылын сачан олду,
Беклер къапусунда даим,
Масжитден къачан олду [2, с. 101].
Вера лиц, не являющихся алимами,
Понижается из-за самих алимов.
<...> Они не придерживаются истины тариката,
Продают свой ум,
Постоянно пребывают в домах беков,
Избегая при этом мечетей.

Автор возмущен:

Ахыр замана тюгюлмю
Алимлер болса ичкичи?! [2, с. 102].
Разве не ахыр заман настал уже,

Коли алимы являются выпивохами?!

Вообще ставшее при жизни Абдурахмана из Какашуры распространенным употреблением отдельными представителями духовенства спиртного находит сатирико-юмористическое воплощение в стихотворении о Саиде Араканском, известном религиозном деятеле, просветителе Дагестана.

Гьараканлы Саид илму язаны,
Жагьилча огьландыр, ичар бозаны,
Гьарама дёнмесин гьалал къазаны, –
Гьакь ёлуна къайтар ону, солтаным [2, с. 97].
Саид Араканский пишет ученые книги,
При этом похож на неуча и пьет бузу,
Да не превратится его пища в харам, –
Султан мой, верни его на путь истины.

Обращение к турецкому султану продиктовано тем, что Османская империя в тот период являлась центром ислама, а турецкий султан – лидером мусульман. В данном случае обращение Абдурахмана из Какашуры имеет не прямой смысл, оно несет комическое содержание. Автор дает понять, что склонность к употреблению спиртного у известного алима так сильна, что только высокопоставленное в мусульманском мире лицо: сможет отвлечь его от спиртного.

Абдурахман из Какашуры был ярким представителем суфийской лирики, поэтике которой характерны апелляция к аскезе, отказу от повседневных благ, мысли о бренности земной жизни. Освещение реальной жизни сквозь призму суфизма определило своеобразие, оригинальное звучание его поэтического наследия, обусловило его философское содержание. Кроме того, строгость и аскеза суфизма определяли и требовательное отношение к священнослужителям, нашедшее довольно обстоятельное выражение в его образно и эмоционально насыщенных тюрки.

Позже суфийская лирика стала традиционной. В последующем в литературе Нового времени со второй половины XIX века развивается литература светского содержания. Наряду с этим продолжает интенсивно развиваться и духовно-религиозная литература. При этом многими авторами, наряду с произведениями религиозного содержания, создаются произведения и светской тематики, посвященные современной действительности.

Выдающимся аварским поэтом второй половины XIX века является Али-Гаджи из Инхо (1845–1891), в творчестве которого сочетаются высокохудожественные образцы духовной литературы с изумительными по красоте слога произведениями любовной лирики, а также обличительными стихотворениями сатирического характера. В социальной сатире Али-Гаджи из Инхо есть и произведения антиклерикального характера. «Особое место в сатирическом искусстве Али-Гаджи занимает антиклерикальная тема, своей тенденциозностью, эмоциональностью и яркой образностью привлекавшая постоянное внимание исследователей», – отмечает известный дагестанский литературовед Ч.С. Юсупова [7, с. 101].

В стихотворениях «Будуном, дибиром называют...», «Будун пусть провалится...», «Когда умирает бедняк...» сатирическому осмеянию подвергаются алчность и стяжательство, «лживость и лицемерие», «низменные инстинкты», «падкость на женщин» (определения Ч.С. Юсуповой) представителей духовенства.

Священнослужители, которые должны являть собой образец исламской морали, на самом деле вовсе не являются таковыми. Более того, они в самом что ни на есть прямом смысле аморальны, их поступки не имеют ничего общего не то что с иманом, но и с обычными народными представлениями о порядочности и чести. Али-Гаджи из Инхо в стихотворении «Будун пусть провалится...» с горечью констатирует:

Мунагъазул бицун тлахьалги цалун,

Цияб гъан камичЮ кидаго рокъоб.
Киназего ваГза гъакълилги гъабун,
ЧаГдалГ гиби букъун рукъальул бокІнилъ [7, с. 103].
Рассказывает о грехах, читает книги,
Но свежее мясо не переводится в доме.
Читает проповеди, осуждает пьянство,
А бутылъ с бузой зарыта в углу дома.¹

Все бы ничего, но ведь от их непорядочности терпит лишения простой народ, бедняки:

Нагагъ мискин щвани диван къотІизе,
Дибир рокъов гъечЮ, къади унтула.
Къали рольул цІурав халил вачІани,
Цеве ккарас диван досул къотІула [7, с. 103].
Если бедняк обратится в диван за решением,
Нет дома дибира, заболел кадий.
Придет с полной меркой пшеницы,
Кто из них опередит, тот и решает.

Сатирическая усмешка звучит в устах Али-Гаджи из Инхо в адрес священнослужителей, падких на женщин («завидев белоплатковых, бросаются следом» – «кІазал хъахІал рихъани, гъезда хадур рортула»), спешащих на поминки, чтобы наестся вдоволь, муталимов, гораздых красть чужое имущество, и т. д. Как совершенно верно отмечает Ч.С. Юсупова: «Борьба, которую ведет поэт, – это, собственно, борьба за чистоту ислама, запятнанного нечестными, жестокими и своекорыстными клерикалами» [7, с. 102].

С развитием общества требования к представителям духовенства меняются, имеют тенденцию к расширению и углублению. Одним из значительных произведений данного характера начала XX века является стихотворение «Муллы» («Моллалар») кумыкского поэта Маная Алибекова (1861–1920).

Следует отметить, что М. Алибеков, как и Али-Гаджи из Инхо, в своем поэтическом творчестве остро критиковал современную действительность: в частности старшин, работников канцелярий, судей, в общем лиц, в той или иной мере облаченных властью. Этой теме посвящено более десятка стихотворений, притом значительных по объему. Одним из них является стихотворение «Муллы», датированное 1911 годом (по другим данным – 1906 годом). Оно имело широкий общественный резонанс, распространялось по мечетям равнинного Дагестана, было адресовано именитым в ту пору алимам, духовным лицам. К слову сказать, отдельные из них: Абусупьян Акаев из Нижнего Казанища, Нухай Батырмурзаев, Магомед-кади Дибиров и Магомед-мулла откликнулись на данное произведение поэтическими эпистолами, во многом поддержав своего коллегу. Заметим, что в отличие от самого М. Алибекова, названные авторы являлись представителями духовенства. А. Акаев и Н. Батырмурзаев, например, являлись авторами религиозных произведений в жанре мавлида, которые были популярны в народе; все, кроме Н. Батырмурзаева, имели сан кадия или муллы. Стихотворение «Муллы» М. Алибекова и инициированная им поэтическая переписка опубликованы в книге «Собрание сочинений Маная Алибекова», изданной после смерти автора в 1925 г. [4].

В преамбуле стихотворения автор высказывает причину беспокойства:

¹ Подстрочные переводы с аварского языка Ч.С. Юсуповой.

Яхсайны моллалары
Тёбен бара гьар айда.
Элге, юртгъа моллалар
Гъали бермейлер пайда [4, с. 122].
Муллы Аксяя
С каждым днем деградируют.
Муллы народу, селу
Теперь не приносят пользы.

Очевидно, муллы его родного села Аксай олицетворяют духовенство в целом. Главный тезис автора – муллы не приносят пользы. Поэт обличает пороки представителей духовенства: муллы алчны, живут за счет народа, за счет сбора с людей милостыни (садака) и подати (закята), зарятся на одежду мертвеца, чтобы получить ее себе, и т. д. М. Алибеков сетует на то, что трудно найти мулл, которые идут в ногу со временем, они не хотят видеть тех, кто читает газеты (заметим, газеты были в то время новым явлением в Дагестане, и человек, читающий газеты, представал человеком прогрессивных взглядов). М. Алибеков отмечает:

Халкъ гъали гёзюн ачып
Янгы муаллим гёре,
Усул жадид охутуп
Къыркъ-элли тюмен бере [4, с. 122].
Народ, став теперь понятливее,
Ищет новых муаллимов,
Обучая детей по «усул джадиду»,
Платит 400–500 рублей.

Поэта возмущает то, что, в отличие от новых преподавателей – муалимов, обучающих детей по «усул джадиду», в дословном переводе по «методу новому», муллы продолжают жить по старинке, игнорируя новые формы обучения.

Таким образом, новаторство М. Алибекова заключается в том, что им поднимаются проблемы новометодного образования, проблемы просвещения народа. Проясняя суть данного произведения, правомерно отметить, что Дагестан конца XIX – начала XX в. был вовлечен в орбиту общественных процессов, характерных мусульманским регионам России, всего исламского Востока. Этот период характерен явлением джадидизма (от слова *джадид* – «новый»), который был поначалу движением просветительским, культурным, позднее стал и общественным. Весомая была его роль в сфере образования.

По «новому методу», обретшему популярность в среде дагестанской интеллигенции в начале XX в., в мактабах и медресе наряду с религиозными науками предполагалось изучение светских дисциплин, таких, например, как математика, география, история, геометрия, биология и др. Более того, благодаря сотрудничеству двух выдающихся просветителей Дагестана А. Акаева и М.-М. Мавраева учебные пособия, книги по алгебре, географии, истории и др. уже начали издаваться на национальных языках с 1903 г. Да и в самом селе Аксай Хасавюртовского округа (один из крупных торговых, культурных, просветительских центров равнинного Дагестана), уроженцем которого был М. Алибеков, функционировали десятки мактабов и медресе, в которых обучение детей осуществлялось по «новому методу» приезжими просветителями. Широкую известность имело, в частности медресе татарина Исхака-эфенди.

Стихотворение «Муллы» М. Алибекова сигнализирует, что дагестанское общество в начале минувшего столетия существенно прогрессировало, а духовенство не поспевало за прогрессом, держась за старое.

Символичны поэтические отклики на данное произведение М. Алибекова. А. Акаев, Н. Батырмурзаев, Магомед-мулла выразили солидарность с основным доводом М. Алибекова, касающимся просвещения народа. Однако многие выразили несогласие

по поводу того, что муллы должны быть порицаемы за то, что живут за счет милостыни, подати, собираемых с народа. Резонны их замечания, что муллы тоже должны на что-то жить, вправе в какой-либо форме получать плату за свой труд.

То есть то, за что муллы критиковались прежде, на протяжении XIX века, считается уже вполне допустимым. Более существенным предстает аргумент совершенно новый, обусловленный современной ситуацией. И касается он не материальной сферы, а духовной (подчеркнем, нерелигиозной).

Одним из обстоятельных, аргументированных откликов на данное произведение предстает ответ Н. Батырмурзаева (1865–1919). В стихотворном послании «Ответ Маная» автор, будучи сторонником новометодного образования, прогрессивного развития народа, страстно и убедительно разъясняет суть знаний, их роль в развитии народа. Демонстрируя прекрасное знание истории мировой культуры, Н. Батырмурзаев утверждает, что науки, образование пошли от арабов, и были успешно восприняты европейцами, а мусульманами забыты. Все, что ныне трактуется как новое, это все исконно наше, мусульманское. Н. Батырмурзаев призывает к овладению знаниями, науками, которые будут способствовать прогрессу. Он предстает в данном произведении патриотом родного края, патриотом исламского просвещения. Сетую на то, что деятельность мулл ограничивается в основном обучением арабскому языку, чтению Корана, погребению усопшего, он с болью задается вопросом:

Бизин асил динибиз
Шолагъа байлангъанму? [4, с. 127].
Наша драгоценности равная религия
Только этим ли ограничивается?

Он задает вопросы и современным муллам:

Дюнья этип турагъан
Ишлеге къарамайму?
Халкъдан сама уьлгю алып,
Гъез ачма ярамайму? [4, с. 128].
Разве не стоит задуматься
О происходящем в мире?
Разве не стоит взять пример с народа,
Стать более восприимчивым?

В результате инициированной М. Алибековым поэтической переписки Н. Батырмурзаев приходит к глубоким раздумьям о роли религии вообще и духовенства в судьбе народа в частности.

Подытоживая краткое рассмотрение темы духовенства в дагестанской литературе досоветского периода, в аспекте ее антиклерикальной направленности, целесообразно подчеркнуть, что объемные параметры статьи не дают возможности охватить все аспекты данной проблематики, всех авторов, коснувшихся ее в своем творчестве.

Антиклерикальные мотивы имеют свою тенденцию, определенную динамику. Веское звучание они получают в позднее Средневековье, актуализируются в конце XIX в., а в начале XX в. наполняются оригинальным содержанием. Если поначалу представители духовенства подвергались критике за нестрогое следование Корану, Сунне, хадисам, а затем за алчность, лицемерие, стремление к материальной наживе, позднее сюда добавляется и склонность к выпивке. В последующем наряду с этими негативными качествами отмечается и их склонность к слабому полу.

Совершенно новые грани антиклерикальная линия в литературе обретает в начале XX века. В русле активизации во всей стране и в нашем крае общественных, экономических, культурных, просветительских процессов священнослужители негативно оцениваются в контексте игнорирования прогрессивных тенденций в сфере образования, в деле изучения светских наук. Если прежде критический образ священнослужителя был

обусловлен в большей мере явлениями материального порядка, то теперь на первый план выходит духовное, не напрямую связанное с религией.

Динамика развития антиклерикальной темы свидетельствует что с течением времени возрастают требования к представителям духовенства. Если поначалу им предъявлялись претензии сугубо религиозного характера, то в начале XX века дагестанские авторы склонялись к тому, что они должны быть лидерами народа, не ограничиваясь только религиозно-проповеднической миссией. Более того, произведения дагестанских авторов подводят к мысли о том, что духовенство на определенном этапе стало восприниматься тормозящим фактором на пути прогрессивного развития народа.

Литература

1. *Абдуллатипов А.-К.Ю.* История кумыкской литературы / до 1917 г. – Махачкала, 1995.
2. Абдурахман из Какашуры (Атлыбоюна) – классик кумыкской поэзии / сост. Гаджиев А.-Г.С., Акаев М.-Г.Д. – Махачкала, 2000. – На кум. яз.
3. *Акамов А.Т.* Суфийские художественные традиции в кумыкской литературе и творчество Абдурахмана из Какашуры. – Махачкала: Изд-во ДГУ, 2003.
4. Собрание сочинений Маная Алибекова. – Буйнакск: издание Дагполитпросвета, 1925. – На кум. яз.
5. *Хайбуллаев С.М.* Духовная литература аварцев. – Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1997.
6. *Шидфар Б.Я.* Абу-ль-Аля аль-Маарри. – М.: Наука, 1985.
7. *Юсупова Ч.С.* Али-Гаджи из Инхо: жизнь и творчество. – Махачкала: ДНЦ РАН, 1997.

Поступила в редакцию 11.06.2014 г.